

СТРУКТУРА ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

STRUCTURE OF URBAN FAMILY VYATKA PROVINCE IN THE SECOND HALF 19TH CENTURY

G. Burdina

Annotation

The article discusses changes in structural characteristics of the urban family in Vyatka province in the second half XIX century. Special attention in research is paid to the analysis of such structural characteristics of the family as: the population size family, the system of relations or the principle of precedence, the typology of the family. Marked social and ethnographical features of families of city dwellers.

Keywords: Russian Empire, Vyatka province, XIX century, the district city, urban family, the family structure.

Бурдина Гульнара Мансуровна

Ст. преподаватель,

*Елабужский институт ФГАОУ ВО "Казанский
(Приволжский) федеральный университет*

Аннотация

В статье рассматриваются изменения структурных характеристик городской семьи Вятской губернии во второй половине XIX в. Особое внимание в исследовании уделяется анализу таких структурных характеристик семьи как: людность (численность) семьи, система связей или принцип старшинства, типология семьи. Отмечаются социальные и этноконфессиональные особенности семей горожан.

Ключевые слова:

Российская империя, Вятская губерния, XIX век, уездный город, городская семья, структура семьи.

Анализ структуры городской семьи имеет особое значение для исследования эволюции семьи второй половины XIX – начала XX в., так как позволяет определить не только направленность процессов, протекавших в семье, но и проследить, каким образом сказывалось воздействие окружающей социальной, природной и экономической среды на важнейших сторонах жизнедеятельности семьи. Более того, такой анализ позволяет проследить влияние норм и ценностей, принятых в городском обществе на ценностные ориентации, которыми руководствовались члены семьи в своей жизнедеятельности и взаимоотношениях.

Особый интерес вызывает исследование эволюции семьи в условиях уездных городов, так как уездный город российской провинции второй половины XIX–начала XX в. представлял собой уникальный социокультурный феномен.

В XIX–начале XX в. в состав Вятской губернии входили следующие уездные города: Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Уржум, Яранск.

По определению отечественных социологов, "под структурой семьи следует понимать, прежде всего, тип, систему связей между членами семьи (отношения равенства – неравенства, главенства – подчинения и т.д.)

или характер деятельности и взаимоотношений между ними" [15, с. 24]. В демографии понятие "структура семьи" четко не определяется, но фактически она отождествляется с такими характеристиками семьи, как численный, родственный и поколенный состав [1, с. 17]. В исторических исследованиях по истории семьи в целом не сложилось общепринятого определения понятия "структуры семьи" и составляющих его компонентов. Поэтому в качестве основных структурных характеристик семьи были проанализированы: людность (численность) семьи, система связей или принцип старшинства, тип семьи, поколенный состав семьи.

В отношении исследований, посвященных истории городской семьи, термины "семья" и "домохозяйство" следует разделять. Прежде всего, потому, что для города было характерно наличие определенной доли семей или одиноких, проживавших на съемных квартирах, и, соответственно, не имевших хозяйства, которое наличествовало в семьях горожан, проживавших в собственном доме. Например, согласно переписным листам по г. Елабуге, в большинстве случаев разноквартирующие были представлены бессемейными людьми или семьями, включавшими одно или два поколения. Намного реже были случаи, когда на съемных квартирах проживали трехпоколенные семьи [13, д. 1, 20]. В городе было меньше возможности для размещения каждой семьи в отдельном доме, поэтому было характерно проживание се-

мей в отдельных квартирах частных домов, что во многом обуславливало распространенность в уездных городах небольших семей.

В первое пореформенное десятилетие средняя людность семей горожан уездных городов Вятской губернии составляла от 4,6 чел. до 6,9 чел., в зависимости от города. Наиболее полные сведения о численности семей в данный период мы можем представить по г. Котельнич, так как в обывательскую книгу города за 1868 г. были внесены семьи всех социальных групп горожан. Было проанализировано 299 семей с общим количеством 1474 чел. Купеческие семьи были самыми многочисленными – 7,3 чел., семьи крестьян, военных и мещан состояли в среднем из 4–5 чел., самыми малочисленными были семьи дворян и духовенства. Средняя людность семей горожан Котельнича составляла 4,9 чел.]

В обывательских книгах 1868 г. других уездных городов: Елабуги, Малмыжа, Нолинска, Орлова и Яранска представлены сведения о семьях лишь основных городских сословий – купцов и мещан. Но так как в данный период они являлись преобладающими сословиями в вятских уездных городах, то, вычислив среднюю людность их семей, можно применить результаты в целом к городу. По результатам анализа людности данных городов можно выделить города с высокой людностью семей. К их числу можно отнести Елабугу – 6,9 чел., Малмыж – 5,9 чел., Сарапул – 5,8 чел. (по результатам однодневной народной переписи г. Сарапула, проведенной 28 ноября 1875 г., в городе насчитывалось 1722 семьи, с количеством членов семьи 10125 чел., таким образом, средний показатель людности сарапульских семей составлял 5,8 чел. [14, с. 3]). И города с более низкой людностью: Котельнич – 5,3 чел., Нолинск – 5,2 чел., Яранск – 5,2 чел., Орлов – 4,6 чел.

Одним из факторов, имевших влияние на количественный состав семьи Вятской губернии, являлись природно-географические условия. Так, В.Я. Заволжский в 1871 г., собирая сведения для Статистического комитета по экономическому быту населения северной части Вятской губернии, отмечал влияние природно-географического фактора на численность семьи. Крупные семейства с людностью до 11,2 чел. проживали в самом северном Слободском уезде. В Орловском и Котельничском уездах, где "население более склонно к дележу на мелкие семейства", средняя людность семей составляла 5,7 чел. [9, с. 15] Развитие промыслового хозяйства в северной части губернии способствовало сохранению больших неразделенных семей, так как семейная организация дела требовала большого количества работников.

Материалы переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о сокращении, по сравнению с

первыми пореформенными десятилетиями, людности семьи вятских уездных городов в среднем до 4,3 чел. В городах с развитым сельскохозяйственным и мелким ремесленным производством, таких как Малмыж и Яранск, людность семьи была самой высокой и составляла в среднем 4,5 чел. Сельским хозяйством и мелким ремесленным производством занимались преимущественно семьями, и в работе принимали участие все члены семьи. Поэтому данные виды хозяйственной деятельности горожан диктовали необходимость иметь большую семью. В более крупных торгово-промышленных городах Слободском, Елабуге, Нолинске и Сарапуле людность семьи колебалась от 4,3–4,5 чел. В городах с более низким уровнем экономического развития Глазове, Котельниче, Уржуме показатель людности сократился до 4–4,2 чел. Самый низкий количественный состав семьи наблюдается в Орлове – 3,8 чел. Скорее всего, столь низкий показатель людности орловских семей связан с неблагоприятной экономической обстановкой, сложившейся в конце XIX в. в городе. Вятский губернатор А.Ф. Анисьин в своих записках об итогах ревизии и обозрения присутственных мест Вятской губернии в 1887 г. отмечал неудовлетворительное состояние города Орлова в хозяйственно-экономическом отношении: "Когда-то цветущий хлебной торговлей г. Орлов, сносясь непосредственно с Архангельским портом, имел не только местные конторы для закупки хлеба, но и иностранные. Ныне город почти не имеет никакой внешней торговли, и год от года в благосостоянии падает. Дома пустуют и некоторые представляют собой руины. Квартиры дешевы, но хороших нет" [6, л. 59]. В связи с закрытием в 1862 г. Архангельского порта благосостояние городов, осуществлявших через него внешнюю торговлю, пришло в упадок.

Важен вопрос о соотношении численного состава городских семей и их социальной принадлежности. Самые многочисленные семьи были у купечества. Исследования купеческих семей уездных городов Вятской губернии, проведенные И.В. Масловой, показали значительные колебания средней людности купеческих семейств на протяжении XIX в. Если в начале века размер купеческих семей составлял в среднем 6,6 чел., то уже к 1858 г. в отдельных городах губернии этот показатель увеличился до 8,2 чел. [12, с. 172, 173] Так, в процветавшем в торговом отношении г. Елабуге, средняя людность купеческих семей в 1860 г. составляла 8,1 чел. [5, лл. 1–25] Относительно других уездных городов Вятской губернии высокая людность отмечается в купеческих семьях Котельнича и Яранска, которая составляла в 1868 г. 7,3 чел. В Малмыже средний размер купеческой семьи составлял 6,8 чел., в Уржуме–6,5 чел., в Нолинске–4,1 чел. Самая низкая людность купеческой семьи наблюдалась в Орлове–3,9 чел., и скорее всего это связано с упадком внешней и внутренней торговли и неблагоприятной экономической обстановкой в городе в целом [4, лл. 3–240]. Демогра-

фический анализ купеческих семей западносибирских городов, проведенный Ю.М. Гончаровым, также показывает колебание людности купеческих семейств в XIX в. от 5,3 до 7,7 чел. [8, с. 140] Как отмечают исследователи российского купечества, размер купеческой семьи напрямую зависел от уровня ее благосостояния, степени развития семейного предприятия и экономического процветания уездного города в целом.

Семьи мещан существенно отличались по количественному составу от купеческих семей. Средняя людность мещанских семей была более приближена к количественным характеристикам крестьянства, так как источником пополнения мещанского сословия служило в основном крестьянство и небольшая часть военных. В первое пореформенное десятилетие средняя людность мещанских семей уездных городов Вятской губернии составляла в Малмыже–5,8 чел., в Елабуге–5,7 чел., в Нолинске–5,3 чел., в Котельниче–5,1 чел., в Яранске и Орлове людность мещанских семей была самой низкой [4, лл. 8–62, 5, лл. 26–64].

К концу XIX в. наблюдалось стойкое уменьшение людности мещанских семей. В мещанское общество Котельнича в 1886 г. входило 456 семейств с 950 ревизскими душами, наличных насчитывалось 1000 чел., т.е. средняя людность семьи составляла всего 2,3 чел. [2, л. 29] Исследователь городов и городского населения Поволжья А.Н. Зорин, анализируя структуру и людность мещанских семей г. Казани, отмечает, что средняя людность семей казанских мещан в 1898 г. составляла 3,4 чел. [10, с. 78] В целом мещанские семьи были меньше, чем купеческие, и в большей степени зависели от характера хозяйственной деятельности семьи.

Людность крестьянской городской семьи в первое пореформенное десятилетие была довольно низкой–4,8 чел. Семьи военных также были малолюдны и в среднем состояли из 4 чел. Дворянские семьи в городах традиционно были малочисленны с низкой средней людностью, которая составляла 3,5 чел. [4, лл. 180–240] Однако ввиду незначительности доли дворян в составе городского населения семейная организация горожан в пореформенный период складывалась главным образом под влиянием мещан, купцов и крестьян–переселенцев.

Таким образом, во второй половине XIX в. численный состав семей горожан Вятской губернии во многом определялся социально–экономическими преобразованиями, происходившими как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне. Увеличение межсословной мобильности городского населения приводило к изменениям в системе семейных ценностей горожан в данный период, что в итоге отражалось на количественных показателях семьи.

Значительное влияние на структуру семьи оказывала этноконфессиональная принадлежность. Так как семейно–брачные отношения у различных народностей и конфессиональных групп имеют свои особенности, этот факт находит отражение в людности семьи. По данным Вятского губернского статистического комитета, в городах губернии проживали наиболее распространенные группы семей по этноконфессиональной принадлежности: русские православные семьи, старообрядческие семьи, мусульманские семьи, еврейские семьи. В исследуемых нами посемейных списках разделение по национальному составу отсутствует. Единственным признаком национальной принадлежности, да и то весьма условным, являются имена и фамилии членов семьи. Крещеные–небольшие национальные группы: удмурты, марийцы, чуваша, принимавшие при крещении православные имена–не имели и этого признака. Поэтому более точные сопоставления показателей людности семьи можно сделать у русских, татар, евреев.

Был проведен анализ произвольной типологической выборки 50 еврейских семей, 50 татарских семей и 50 русских семей, проживавших в уездных городах губернии в 1880 г. [3, лл. 22–60, 7, лл. 7–68] Проведенный анализ имеющихся данных показывает, что во второй половине XIX в. татарские и еврейские семьи в среднем были более крупными, чем русские семьи. Так, если средняя людность русских семей составляла 4,3 чел., то татарские семьи состояли в среднем из 5,7 чел., а еврейские семьи из 4,8 чел. Но особенностью еврейских семей было то, что большинство семей составляла супружеская пара с детьми, эти семьи являлись нуклеарными. Людность еврейских семей увеличивалась за счет многодетности, в 18 семьях было больше трех детей. Многие русские и татарские семьи включали в свой состав несколько поколений родственников, а в некоторых семьях татарских купцов было по две жены.

При характеристике семей значительный интерес представляет собой вопрос о главенстве. В исследуемых нами обывательских книгах и посемейных списках не содержится указаний на то, кто являлся главой каждой отдельной семьи. Проанализировав последовательность записей членов семьи, можно проследить, что во второй половине XIX в. в основном сохранялась патриархальная традиция главенства старшего в семье мужчины. С него начинался перечень членов семьи, независимо от возраста старшей женщины. Например, в обывательской книге Елабуги 1860 г. записана семья купца III гильдии Матвеева Павла Николаевича–27 лет, женатого вторым браком на крестьянской дочери–20 лет, "при нем находятся: мачеха–30 лет, родные братья: Иван–23 лет, Василий–10 лет; сестра Елизавета–12 лет" [5, л. 20]. По Духовному завещанию их отца Николая Матвеева недвижимое имущество–дом наследовался его старшими сы-

новьями Павлом и Иваном, можно предположить, что семейное дело (торговля хлебом) также перешло в руки старшего сына Павла, а не его, более старшей, мачехи. Но встречались совершенно иные случаи главенства в семье. Например, семья купеческой вдовы III гильдии Шабалиной Настасьи Андреевны – 63 лет, "при ней находятся внуки – дети умершего сына: Александр – 22 лет, женатый на купеческой дочери – 25 лет, Василий – 12 лет, Ольга – 15 лет. Деревянный на каменном фундаменте дом со службами наследовала от мужа, в Елабуге занималась торговлей" [5, л. 36]. Учитывая распространенность женского вдовства, в рассматриваемый период подобные случаи не были редкостью. Таким образом, можно предположить, что главенство в семье определялось не столько возрастом и полом, традициями и законодательством, зачастую решающую роль в преемственности главенства семьи играла последняя воля предыдущего главы семьи.

Полнее проследить процессы, протекавшие в семьях горожан второй половины XIX – начала XX в., можно при анализе типологии семей. Современные исследователи предлагают большое количество подходов к классификации и типологизации семей. Наиболее распространенной в современной исторической демографии считается типология, разработанная группой ученых под руководством П. Ласлетта [11, с. 132–158]. С учетом задач нашего исследования и имеющегося источникового материала, использование типологии П. Ласлетта, адаптированной к особенностям семей уездного города, является более приемлемым. Как уже отмечалось ранее, в типологический анализ семьи мы включаем только родственников по крови или по супружеству, без прислуги и других жильцов.

При анализе семей уездных городов Вятской губернии необходимо выделить четыре формы семейной организации:

1. Семья, состоявшая из одного человека.
2. Простая малая, или нуклеарная семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми, либо вдовца или вдовы с потомством. Главным признаком является то, что эта семья основана на супружеских узах. Если один из родителей умирает, то овдовевший супруг или супруга с детьми продолжают рассматриваться как супружеская семья, поскольку такая детско-родительская единица возникла в результате брака.
3. Расширенная семья, состоящая из супружеской пары с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях, т.е. сестры, братья, один из родителей супругов и т.д. В том случае, если дополнительный член – входящий в состав семьи представитель старшего поколения, то семья считается восходящей. Если речь идет о внуках, племянниках, то семья квалифи-

цируется как нисходящая. Наличие брата, сестры или кузенов главы семьи квалифицирует семью как расширенную по боковой линии.

4. Составная, или сложная семья, включающая две и более супружеские пары. В эту категорию входят также и так называемые большие патриархальные отцовские или братские семьи (если объединяют супружеские пары братьев и сестер), которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар.

При анализе внутренней структуры семей уездных городов Вятской губернии за 1868 г. учитывались семьи основных городских сословий – купцов и мещан по городским обывательским книгам. Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показал, что в середине XIX в. большинство семей горожан уездных городов Вятской губернии имели простую семейную ячейку, которую составляли, как правило, родители с неженатыми детьми. Семья елабужского купца I гильдии Ушкова Капитона Яковлевича в 1860 г. насчитывала 13 человек, но по типологии П. Ласлетта она классифицируется как простая, или нуклеарная семья, так как состояла из супружеской пары с неженатыми детьми [5, л. 41]. Большинство таких семей были полными. Например, наибольшее количество неполных семей, в основном это вдовы, проживавшие с детьми, и намного реже вдовцы с детьми, зафиксировано в Орлове – 13,5 % [4, лл. 112–180]. Простые семьи были распространены у мещанского сословия, так как многие из них домов не имели и жили на съемных квартирах, что не позволяло иметь большую семью. В купеческих и мещанских семьях, занимавшихся торговлей или имевших свое производство, как правило, женатые сыновья не спешили отделиться, и часто в источниках встречаются большие сложносоставные семьи. Поэтому довольно большую группу составляли сложные по своей структуре семьи, которые были представлены в основном родителями с женатыми детьми, а также женатыми братьями с детьми, реже родителями с вдовыми дочерьми и внуками. Так, семья нолинского мещанина Лошкина Аристарха Ивановича, которая имела собственное производство – крашение холстов, насчитывала 32 человека. Ядро семьи составляла супружеская чета главы семьи и их дети. Лошкин Аристарх Иванович (99 лет), его вторая супруга (63 года) и четыре супружеские пары: младшего сына с тремя детьми, супружеские пары трех внуков, от умершего старшего сына, с детьми и вдова умершего среднего сына с четырьмя детьми [5, л. 9]. По нашей типологии она классифицируется как сложная, включавшая в себя 6 супружеских пар.

Следующую, довольно распространенную, группу семей по внутренней структуре составляли различные варианты расширенных семей – 9,7 %. Довольно часто в расширенных семьях вдовы родители жили с женатыми

детьми или внуками. Примером восходящей расширенной семьи можно считать семью нолинского купца III гильдии 31 года, женатого на мещанской дочери 28 лет, проживавшего с бабушкой 70 лет и неженатыми братьями-близнецами 28 лет [5, л. 17]. Большую группу составляли одинокие – 7,5 %. В основном эта группа представлена бездетными вдовами, реже вдовцами и приехавшими на заработки неженатыми молодыми людьми, проживавшими либо в семье хозяина, либо снимавшими углы и комнаты.

Выборочный анализ переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г. Елабуге показал, что к концу XIX в. простые семьи по-прежнему являлись наиболее распространенными среди основного населения уездных городов Вятской губернии – мещан и крестьян. Сократилось количество сложных семей, однако несколько увеличилось количество расширенных семей и одиноких.

Во второй половине XIX – начале XX в. важными при-

знаками начавшихся процессов эволюции семьи в среде уездных городов являлись изменения во внутренней структуре семей. На всем протяжении изучаемого периода наблюдалось уменьшение средней людности семей горожан, что было связано с увеличением процесса разделения, дробления семей. Сохранялись этноконфессиональные особенности городских семей. Татарские и еврейские семьи были более многолюдные, чем русские. В семьях горожан сохранялась патриархальная традиция главенства старшего в семье мужчины. Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показал, что в середине XIX в. большинство семей горожан уездных городов Вятской губернии имели простую семейную ячейку, которую составляли, как правило, родители с не женатыми детьми. В купеческих и мещанских семьях, занимавшихся торговлей или производством были распространены большие сложносоставные семьи, состоявшие из нескольких супружеских пар. Несмотря на различия в социальной и этноконфессиональной принадлежности во второй половине XIX – начале XX в. складывалась общая по структуре городская семья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, А.Г. Семья – объект демографии / А.Г. Волков. – М.: Статистика, 1986. – 281 с.
2. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 78.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1346.
4. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 423.
5. ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 250.
6. ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 68.
7. ГАКО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 5.
8. Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 384 с.
9. Заволжский, В.Я. Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии / В.Я. Заволжский. – Вятка: Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, 1871. – 95 с.
10. Зорин, А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин. – Казань: Издательство Средневолжского Научного Центра, 2002. – 693 с.
11. Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Бачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. – М.: Статистика, 1979. – С. 132–158.
12. Маслова, И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. / И.В. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 352 с.
13. НА РТ. Ф. 991. Оп. 1. Д. 1, 20.
14. Однодневная перепись г. Сарапула // Вятские губернские ведомости. – Вятка, 1875. № 55. – С. 3.
15. Янкова, З.А. Городская семья / З.А. Янкова. – М.: Наука, 1979. – 184 с.

© Г.М. Бурдина, (burdinagm@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

